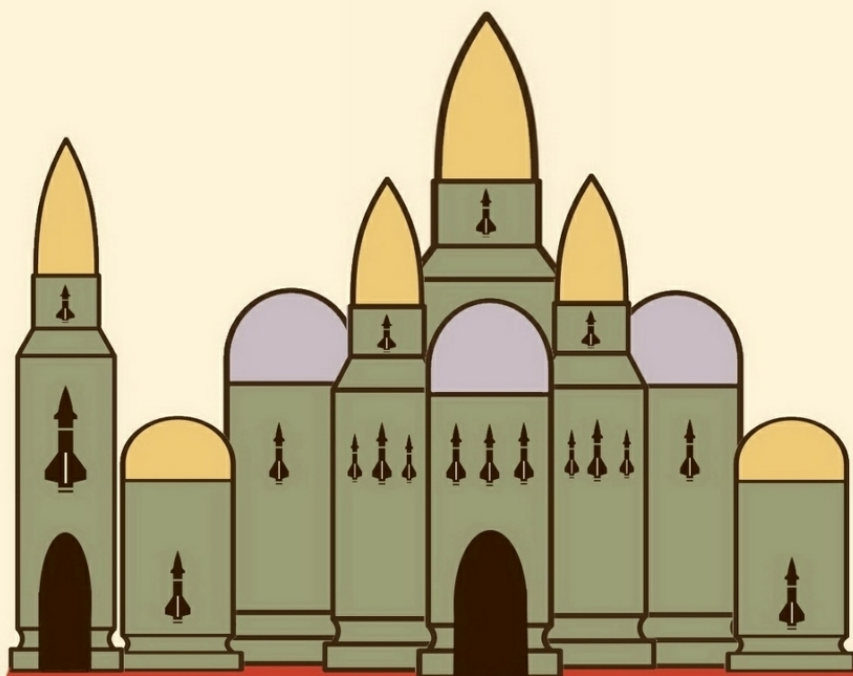

Евгений Козлов

**СКЛЕП
ДУХОВНЫХ
СКРЕП**

16+

ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВ

Склеп духовных скреп

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Козлов Е. А.

Склеп духовных скреп / Е. А. Козлов — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Отправляясь в небольшое путешествие вместе с главным героем этой повести по дороге реалистичной антиутопии, вы прочтете простейшую историю с заключенным в ней непростым смыслом. Готовьтесь к тому, чтобы в конце пути не остаться прежними. Кто-то из вас оскорбится правдивостью, а кто-то оправдается скорбностью. Как бы то ни было, всегда можно повернуть назад, либо вовсе оборвать повествование закрытием книги. Лишь бы саму жизнь не возвращать в прошлое, чтобы тем самым не прерывать путь к светлому будущему.

Содержание

Предисловие.	5
Глава первая. Сомнительное предложение	6
Глава вторая. Культ культуры	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Предисловие.

Покуда протестуешь – молод. Смирился – встречай старость.

Бог создал человека, дабы человек создал бога. В мироздании всё перемешалось, и уже не определить, где вера, а где безверие, где истина, а где всего лишь воображение. Поговаривают, будто божество обитает высоко и потому человеческим разумом божественное провидение не постичь. Также уверяют многие, что властители земные от простого народа далеки. Небожители, они все таковы. Вот только все эти господа небесные, да земные, только часть правды милостиво отворяют, подобно тюремным решеткам, тогда, как главные истины недосыгаемостью тайной берегут. Видимо потому простым людям только крошки достаются с барского стола, дескать, вот вам священные писания, вот вам божьи повеления, вот вам закон конституционный. Слепо вчитывайтесь и беспрекословно верьте букве. Так вот же где оказывается, запрятана вся сила государей и божеств, их могущество в чернилах, да в бумаге. Тогда как без бумаги они от других неотличимы. О ком же тогда книги те толкуют? О людях сказывают, кои когда-то жили, цивилизацию лепили и из глины той храм себе соорудили. В тот храм и доньше влачат богатства, будто бы богу оно нужно. Вот жертвенник этого храма, а на нем войны, воинства, разрушенья, слезы, кровь и геноцид. Будто бы богу нужны все эти человеческие жертвы. Вот жрецы этого храма в дорогих одеяниях, вот на стенах развешаны их портреты в золоченых рамках. Будто бы для бога они предпочтительней, нежели чем все другие люди и якобы он наделил их чем-то особенным. И наконец, вот прихожане сего храма. Для чего они пришли сюда? Кто как. Кто ради обретения счастливой жизни, кто-то для возвышения, либо унижения, ради искусства, удовольствия, размножения, забвения, скуки. Всё смешалось в храме жизни. Все они взывают к божествам, но никто им не отвечает, никто их не видит. И прибывая в этой безответности, они ищут в своих собственных мыслях голоса духов, в совпадениях находят божественный промысел, всё потому, что человеку трудно примириться с одиночеством, которое таинственно. Жизнь есть тайна смысла. Но прожить жизнь, так и не узнав, для чего она была дана, то же самое, что книгу прочитать, но, так и не уразумев ее значение, когда сюжет ясен, а смысл непонятен. Книга что, всё та же бумага. Жизнь же человеческая не бумажная, она куда важней. Хотя в картонном храме жизни бумаге дарована великая власть, она способна людей как возвеличивать, так и унижать, росчерком пера по бумаге людей жизни лишали, их судили, миловали, изгоняли, депортировали. Бумагой лгали. О сколько лгали, сколько в мире бумажной лжи! Но то раньше было, нынче тычут пальцем в поверхности экранов. Как когда-то в римские времена пальцем разрешали человеческие судьбы, сейчас пальцем спешат указать – нравится, иль не нравится, и тем управляют судьбами людей. Исторический процесс всё движется куда-то, а жесты, символы неумолчно неизменны. И мы по старинки бога в храме ищем, когда бог живет в душе. Каждый из нас свой личный бог.

Глава первая. Сомнительное предложение

Антиутопия. Русия.

Вымышленные персонажи вымышленной истории.

Все совпадения не случайны.

Дворник Бибиков уютно расположился в своей укромной каморке, расположенной на нижнем этаже гуманитарного университета. Он сидит за плохо сколоченным письменным столом, изредка покачивается на деревянном скрипучем стуле, да перебирает тонкими ладонями рук кое-какие ничего не значащие бумаги. А всевозможных бумажек и книг у него превеликое множество. Он давно уже перестал писать всяческие доклады и научные работы, статьи, все они сложены в продолговатый ящик его стола. Писательская деятельность ему крайне наскучила. Ему хочется попросту отыскать какой-нибудь исторический факт и словно первооткрывателю возрадоваться найденному пыльному сокровищу дней минувших. Но вся история тоскливо однообразна, ничего в истории нового нет, всё уже было и всё прошло. Это пройдет – повторял Бибиков про себя словосочетание, описывающее нынешнюю эпоху. Это пройдет... И, казалось бы, он готов был умереть от тоски прямо здесь и сейчас, поминая все бессмысленность бытия, как тут внезапно, в дверь его кельи постучали. Бибиков нехотя отворил дверь. И кого он увидел на пороге? А тем незваным гостем оказался всем известный журналист Неверов.

– Разрешите войти? – спросил у Бибикова журналист, прищуренным взором осматривая его каморку.

“Очередная типичная лачуга отшельника. Висит одна лампочка без абажура, всюду пыль, плесень на стенах, затхлый запах непрветренного помещения, кругом раскидана бумага. И что-то еще. Видимо запах холостяцкой жизни. Предсказуемое зрелище. Но именно такого одинокого человека я и искал. Стотысячный бессребреник, верящий в какую-нибудь метафизическую чепуху и непреклонно гордящийся своим якобы уникальным умом”. – подумал Неверов оглядываясь и не замечая скромные ничем не примечательные одежды Бибикова.

– Мне думается, я ни в чем не повинен. А значит не интересен для прессы. – ответил журналисту Бибиков, примечая его элегантный слегка вычурный наряд.

– Так я по делу сугубо историческому, всё в рамках вашей компетентности. Вы же, насколько мне известно – историк. – сказал Неверов, ослабившись своими немного острыми зубами и напрягшись всеми своими многочисленными лицевыми морщинами.

Неверов надел на себя в этот раз черный бархатный пиджак на черную матовую рубашку. Бибикову на секунду показалось, будто журналист изобразил демонический заостренный взор искателя скандала или сатирического экспромта.

“Видимо он ошибся дверью. Я не историк и никогда им не был”. – подумал дворник Бибиков, но по неведомой ему причине произнес.

– Раз пришли, то присаживайтесь. – пригласил он гостя воссесть на один единственный стул в его каморке.

Неверов загадочно победительно улыбнулся и сел на предложенный ему стул, который чудесным образом ни разу не скрипнул. Будто призрак опустил на изваяние грубого материализма.

“Вот так грация”. – подумал Бибиков удивившись.

И куда дворник устраивался поудобней на своей дряхлой кушетке, Неверов тем временем рассмотрел его персону повнимательней и сразу же безапелляционно огласил тому вердикт.

– Ваша фамилия – Бибиков, насколько я осведомлен.

Бибииков в ответ нехотя кивнул головой.

– Так вот, Бибииков, смею вам сообщить, что ваша одежда изрядно изношена, испачкана чем-то и потому не годится. Ваши спутанные волосы с сединой, так и быть, немного причешем. Странно, однако, что в свои тридцать с небольшим, вы уже седеете. А впрочем, это дело не испортит. И еще меня беспокоит эта ваша всегдашняя картавость. Что ж, и это не так уж и критично. Пусть ваша речь будет иметь эту пикантность. А что касается всего остального, то вы отличный кандидат на исполнение наиважнейшего моего задания.

– Какого еще задания? И причем тут, простите спросить, моя внешность? – изумился Бибииков.

– Поручение государственной важности. Внешность же привлекательная еще никому не помешала. – ответил Неверов. – И кстати, позвольте у вас спросить, Бибииков. Очки вы носите?

– Ношу.

– Славненько. Такая карикатурная личность как вы, Бибииков, мне-то и нужна. Впрочем, в нашем царстве-государстве всё гипертрофировано.

– О ком вы толкуете?

– О заказчиках и ценителях вашего таланта – быть никем. Но об этом позже. По правде говоря, жалкая у вас, однако, фамилия. Вот если бы вы были историком Соловьевым или на худой конец историком Соколовым, было бы совсем другое дело. Птичьей фамилии нынче в моде. Вот, к примеру, у меня есть одна занимательная история. Хотите я вам ее расскажу? А то вы здесь сидите в темноте и света белого не видите. Словом, просвещению до вас никак не добраться. И кстати, о свете. – произнеся всё это бессвязное месиво тем для обсуждений, Неверов начал без согласия слушателя рассказывать свою глумливую историю, то ли вымышленную, то ли перерванную.

– Так вот, слушайте, Бибииков. Жил некогда во второй столице нашего государства именитый историк. Очень уж он увлекался наполоновскими войнами, и войнами вообще. Особенно он почитал Наполону и того всячески восхвалял. Любил этот самый историк участвовать во всевозможных исторических инсценировках. Реконструкция – это называется, да вам, Бибииков, как историку это хорошо известно.

“Вот снова он меня историком назвал. Может, Неверов пьян, или хуже того”. – подумал Бибииков, в то время как Неверов продолжал рассказывать.

– Напяливал, значит, тот историк на себя заграничные наряды, да и на коне ездил по полю сражений эдаким императором. А после начинались тематические балы, женщины в кринолинах и в пышных платьях, бижутерия, стразы, всё блестит и переливается глянцем. И между этих пышно разряженных особ всё студентки ошиваются. К тому новоявленному Наполону так и липнут. Хотя и историк стар и морда его гуманитарная вся в морщинах, а глаза смертельно злющие. Но глупышкам малолетним, что с того, что историк стар и некрасив, главное, что он хорошо умеет изображать величину. Может быть, поэтому и сошлась с ним одна глупышка красавица, по любви ли, или по какой другой причине, не столь важно. Итог отношений показывает их некогда неизвестную структуру, итог обнажает то, что некогда было сокрыто. Их злополучная связь закончилась трагедией. Выстрелил он в нее, а тело всё спрятать намеревался. Мешочки же в речку сбрасывал. Вот только беда, один рюкзак возьми, да и не утони, взял, да и поплыл по речке. Убийца как это увидел, так недолго думая полез топить сверток этот, да в итоге сам чуть не утоп. Выловили этого гуманитарного убийцу, а в мешочке девичьи ручки оказались. После же задержали историка. Потом на реконструкцию убийства его водили, но он-то в том специалист, всё показал, как дело было. Да и тут хотел историк себя кортиком убить, да не дали. Вот вы Бибииков, как думаете, где окажется ваш собрат историк, в тюрьме или в доме для умалишенных среди других императоров?

“Нет, не пьян он. Просто он отъявленный циник, вот и всё”. – подумал Бибииков, выслушав рассказ Неверова.

– Какую мерзкую историю вы только что мне рассказали. – ответил Бибиков. – Бедную девушку, конечно, очень жалко. Зачем она только связалась с этим насильником. Да, насильником, вы не ослушались. Ведь он был увлечен войнами там разными, оружием, сам вот оружие имел. И всё это атрибуты насилия характеризуют насильника. Вот императоры эти, монархи, президенты, те же насильники, убивающие свой народ на войнах. Эти ружья расставлены повсюду, и они обязательно выстреливают, в историческом процессе так уж точно. Оно всегда так происходит. Я же, в свою очередь, всегда думал, и буду считать, что всякое насилие есть зло, и история историков о том охотно чистосердечно свидетельствует. Вот только свидетелей ужасов слушать не хотят, их хотят поскорее похоронить, дабы осталось только мнимое величие и ложные подвиги. А историки что? Только изучают чужие преступления и иногда совершают и свои злодеяния меньшего масштаба.

– Правильно толкуете, Бибиков. Историки – это собиратели душ мертвых. Но позвольте, спросить, а какие души мертвых вам нужны для коллекции?

Бибиков несколько сконфузился, неверовское выражение “души мертвых” его несколько поразило и о чем-то сугубо литературном напомнило.

– Не пойму, о чем или о ком вы меня спрашиваете?

– Всё просто, Бибиков. Для меня Русия это своеобразный склеп, где власть – это души мертвых. Это исторические личности, которые историки собирают в свои книжечки. Это коллекции личностей, которые как бы мертвы, но их помнят, как живых, либо это живые люди, которых народ хотел бы поскорей захоронить. Вы же историк, Бибиков, вам хорошо знакомо коллекционирование душ. Разве я не прав? Если я не прав, то поправьте меня.

– Так-то оно так, но я-то тут причем? Я не историк.

– Бибиков, не принижайте себя, вы же не религиозный человек.

“Всё-то он обо мне знает. Что ж, хочет обманываться, пусть будет так”. – подумал Бибиков.

– Похоже на то. – согласился Бибиков. – Я порою занимаюсь коллекционированием не душ всяческих кровожадных тиранов, убийц и мстителей. Я люблю высматривать среди людей добрые души, чьи добродетели смогут однажды подтолкнуть ныне живущих людей на не менее значительные добрые деяния.

– Об этой вашей странности я осведомлен. – сказал Неверов. – Вот только таких добреньких душ, как вы выражаетесь, совсем немного. Читателю интересен тиран победитель, тиран мученик или тиран мучитель. Народ готов любого мерзавца оправдать, лишь бы тот победил в войне, либо увеличил территорию государства. Это подобно тому, как какой-нибудь мужик бьет свою семью, мучает её по-всякому, но в то же время тот мужлан недавно избил бандита из соседнего дома, и будто бы это его насилие сглаживает память о другом его насилии. Так жизнь устроена, Бибиков, и вы, ни ваши праведники ее исправить никак не сможете. Вот вижу, у вас есть книги о пацифистах. Они никому не интересны. Как и вы, Бибиков мало, кому интересны. Чем вы вообще живы? Вы бездомный человек, Бибиков. Эти ваши добрые души вас не прокормят. Да и жениться вам пора, как-никак четвертый десяток начали жить. Вас уже, я слышал, местным юродивым называют. Это нехорошо, Бибиков, очень нехорошо.

“Эдак закурил, всё-то он обо мне знает. Или прикидывается, что знает”. – подумал Бибиков и ответил.

– И что же вы мне предлагаете, я никак в толк не возьму. Я, если хотите знать, человек простой и меняться не собираюсь.

– Да не о том речь, добрый Бибиков. Я просто-напросто предлагаю вам работу, хочу, чтобы вы обеспечили себе хорошую жизнь, вот и всё. От вас, разносторонний Бибиков, требуется только одно. За год понабраться опыта и написать одну интересную книжку про русийские реалии, про власть ныне властвующую. Вы себе даже не представляете, насколько богата власть. Я же вам предлагаю лишь немного приблизиться к этой кормушке. Конечно, они еще

при жизни возводят себе памятники, так как знают и чувствуют, что уже немолоды. А войти в историю им очень хочется. Вот вы Бибиков им в этом поможете. Соберете свою коллекцию душ мертвых в бумажном склепе.

– А почему именно я должен заниматься этим делом собирательства? – засомневался Бибиков.

– Потому что, всеми уважаемый Бибиков, один историк за решеткой. Тогда как у историка Поносова репутация хромает. Вас же никто не знает, и потому с вами будут общаться предельно откровенно. Вы же понимаете, что политические деятели разных мастей и окраса когда-нибудь умрут, либо вовсе вымрут в недалеком будущем и вы, Бибиков, будучи молодым, обязательно их всех переживете. Вам-то и самое то собирать души покуда они еще свеженькие. Да какие души то, всё министры, патриархи и президенты в вашем распоряжении.

“Всё насмехается надо мной этот Неверов. Так и не пойму, какой толк в его насмешке”. – подумал Бибиков и вымолвил в ответ.

– Сейчас их и так поливают то лестью, то осуждением. Чем я буду лучше всех этих голо-сов?

– Не обманывайте меня и себя, Бибиков. Вам же до боли интересны исторические личности. Ну же, соглашайтесь, Бибиков, не пожалее. – уговаривал его Неверов.

Бибиков угрюмо оглядел свою затхлую каморку без окон и с одной хлипкой дверью и задумался: “И право дело, для чего я здесь сижу, что высиживаю? А тут такое уникальное в своем роде предложение, хотя и от несерьезной личности. Но...”

– Никаких “но”, Бибиков. – словно прочитал его мысли Неверов. – Мы с вами вместе напишем правду о современной Руси, местами ее немного приукрасим, что не возбраняется. Я не лгать я вас упрощаю, а прошу слегка слукавить.

– И в чем состоит лукавство?

– Ирония, если быть точнее. Мы напишем всю правду, вот только эта правда будет для властей хороша и велика, тогда как для простого народа вздорна и глупа. Впрочем, народ не однороден. Поэтому не переживайте по поводу критики, их стрелы с ядом я приму на себя, ведь это моя идея, мне и ответ держать. От вас же, Бибиков требуется одно – составить исторический пантеон русских божеств. Вам нужно будет описать их привычки, желания, какие жертвы им угодны. Я уверен, вы с этим делом справитесь. К тому же их души очень дорого стоят.

Поначалу Бибиков колебался с принятием решения, но впоследствии согласился на это странное творческое предприятие. Ему показалась, что эта затея Неверова весьма проста, ведь он изучал историю, читал про всех этих государей русских, о русском духовенстве он также наслышан. И что спрашивается, он узнает нового? Да, словом, ничего. Всё старо как мир. А ему бы квартиру прикупить, да жениться бы на какой-нибудь простушке, только не на студентке, после рассказа Неверова о том маньяке, Бибикову на студенток и смотреть расхотелось.

“Какой всё-таки наглый соблазнитель этот Неверов”. – размышлял Бибиков. – “Только подумай глупый ты псевдоисторик, какие это всё невозможные фантазии. Где я, и где все эти политики, генералы и архиереи. Да они и замечать меня не будут, не то, что доверительно общаться”.

– Согласен быть вашим компаньоном. Но как, по-вашему, мне к властным душам поступиться? – спросил противоречивый Бибиков, прибывая в сомнениях.

В ответ тот то ли заулыбался, то ли сделал серьезный вид, вообще Бибикову было непонятно, когда этот Неверов прямолинеен, а когда хитрит.

– А это, уважаемый Бибиков, уже не ваши проблемы. – тут журналист достал из внутреннего кармана пиджака небольшой прямоугольный бумажный конверт. – Вот вам пропуск, дарующий вам аудиенцию с любым чиновником и пастырем народа русского. Просто пока-

жите им содержимое этого конверта, и любой из них немедленно ответит на все ваши вопросы с превеликим удовольствием. К тому же все они тщеславны и очень любят поговорить о себе.

– Думаю одним конвертом здесь точно не отделаться. Из меня выйдет плохой интервьюер. Точно хуже Зудя.

– Для чего, скажите мне, вы поощряете в себе сомнительность. Бибиков, вам же нужны души мертвых. Так ведь? Так берите их свеженькими, такими тепленькими.

“Вот-вот, уже зубы мне заговаривает. Будто мне это нужно, а он тут не причем”. – подумал Бибиков и ответил. – На что мне души, которые то и делают, что только врут, беспардонно лгут всем и каждому. Насколько их власть мифична, настолько и мифом является история, которую они пишут. Мифотворчество мне не интересно.

– И что с того, что они лгут. Наша с вами жизнь, мудрейший Бибиков, не миф и не вымысел. Наша с вами жизнь это сатира, которую мы превратим в моралите. Да и на что, Бибиков, вам, правда? А впрочем, берите этот конверт и с помощью него вы раскроете любую правду.

Бибиков сконфуженно взял конверт у Неверова, затем просил.

– А что находится в этом конверте. Письмо?

– Это не важно. Вы же литератор, Бибиков, вы должны рассматривать разные стороны, ракурсы тех или иных событий, людей, предметов. Может быть, в этом конверте листок бумаги с цифрой, может на нем печать, а может быть на нем написана поэма, или он пуст. Что вам с того? Незнание оно порою полезно. Ваша задача, любознательный Бибиков, слушать и записывать. И главное – запоминать.

“Ага, еще и литератором меня назвал, льстивый плут. Вот и тайны появились. Мало мне проблем, еще и нужно конверт неизвестно с чем всем совать под нос”. – подумал Бибиков и произнес. – Какие же вопросы мне нужно будет задавать всем этим современным вельможам? – возмутился Бибиков, уже желая пойти на попятную.

– Жизненно важные вопросы. Так я, пожалуй, вам отвечу. – сказал Неверов и поглядел на циферблат дорогих часов. – Всё, Бибиков, раз вы согласились со мной поработать, то жду вас утром у входа в университет. И не опаздывайте. Мы с вами поедем к одному известному министру. В девятом часу будьте готовы, и не забудьте письменные принадлежности, раз планшета я у вас не наблюдаю. А насчет денег не беспокойтесь, вот запишем эти души и хорошенько их продадим издательствам, они купят, непременно купят, они ценят всяческую чернуху. Но, что о них говорить, главное, что мы поживимся. – Неверов ослабил все свои морщинами и словно призрак растворился в темноте дверного проема, оставив после себя отчетливый запах табачного дыма.

“Разве можно доверять человеку, имеющему вредные привычки?” – подумал Бибиков, словно отмахиваясь от внезапного абсурдного наваждения. – “Вопросы. У меня сплошные вопросы крутятся в голове. Не просто так этот отпетый журналист пришел именно ко мне. Здесь кроется какой-то подвох. Может это всё университетский сторож Гнидов подстроил? Но на него не похоже, он до такого и в жизнь не додумается. А ведь этот журналист знаменит экстравагантными выходками. Ведь, он, подлец эдакий всё сам напишет, а я буду участвовать в роли подставного лица. Но это как-то неправдоподобно звучит. Да и что мне с того? Я всё равно напишу свою книгу, пусть даже она не будет пользоваться спросом у читателей. Я всё опишу, как оно есть и обязательно упомяну в своих сочинениях этого чопорного циника Неверова. Он еще та мертвая душа, самая мертвецки мертвая. Душа бледного морщинистого вампира, который то и делает, что высасывает из людей всё доброе и светлое, что в них еще осталось. Но я прост, это сущая, правда. Слишком я для них прост. Но я вижу их всех насквозь, я всех их вижу как они есть, без пафоса и антуража”. – лихорадочно порою бессвязно размышлял Бибиков, его обуревали впечатления, бесконечные вопросы, его рефлексия, одаренная недюжинным воображением, буквально расширялась подобно вселенной. Вот он уже представил, как

всё в будущем будет происходить, при каких обстоятельствах, каковы будут диалоги и каков станет итог его многочисленных встреч с высшими должностными лицами государства.

Когда даже неверовский запах испарился в камере Бибикова, он немного встрепенулся рассудком, ибо никто более не довлел над его жизнью и свободой выбора.

– Зря они все меня унижают, пускай я даже и прост и люблю простоту. – произнес Биби-ков, а затем подумал. – “Я ведь интеллигент, пускай и служу дворником. Я делаю мир чище. А им бы всё унижить мою значимость, они, видите ли, журналисты, медийные персоны, а я для них никто, я не существую. Но я завтра же предстану перед всеми этими властелинами мира и раскрою их души, непременно опишу, какова наша страна во всех подробностях”. – тут Биби-ков испугался сам себя. – “Что-то я слишком разнервничался. Это всё Неверов на меня так повлиял. А ведь у меня была такая спокойная размеренная жизнь. И во что она превратилась за какие-то полчаса? Как же ты глуп, университетский уборщик, в тебе столько противоречий”. – Биби-ков уже стал обращаться к самому себе с презрением. – “То ты ерепенишься, то боишься каждого шороха или дурного слова в свой адрес”.

– Но это моя жизнь. Жизнь, которая скоро кардинально изменится. – произнес он вслух.

До самого вечера, и ночью Биби-ков продолжил размышлять подобным манером, он думал о плуте Неверове, о том, что ему в будущем предстоит совершить и о многом другом не касающемся его прямых полномочий. После сих размышлений он не мог долго заснуть, мысли в нем словно постоянно размножались, двоились, троились, и всех плодов этого древа разума было не сосчитать. Затем это ночное изобилие дум начало причинять ему некоторые недомогания, еще немного и он бы начал страдать от этой лавины фантазий. Но внезапно в полночь его разум словно очистился от всех мыслей, наступила тишина, после которой он сразу же заснул. Много вертелся он на своей лежанке во сне этой ночью, много просыпался. И может быть, поэтому он проснулся рано утром, чувствуя себя изможденным и крайне болезненно усталым.

Позавтракав в университетской столовой, Биби-ков распознал своим ослабленным заложенным ухом знакомый противный писклявый звонок своего старого кнопочного телефона. То звонил Неверов, видимо журналист уже ожидал псевдоисторика у ворот гуманитарного университета. Однако, Биби-ков не сразу вышел к нему, а сначала взял с собой кое-какие письменные принадлежности, поместив их в небольшой пакет, ибо других предметов хранения у него попросту не оказалось. И в таком растрёпанном виде Биби-ков вышел на улицу. Он увидел в дорогом автомобиле на водительском месте Неверова и недолго думая, сел к нему в авто на заднее пассажирское сиденье. Сегодня Биби-ков уже не мог о чем-либо вспльчиво думать, настолько его ум вчера напрягся, что еще чуть-чуть и он бы погиб от перенапряжения. Но сегодня к его облегчению, наступило полное очищение его мыслительной деятельности.

Неверов в этот миг разглядывал неказистый внешний вид дворника в зеркальце заднего вида и думал: “Насколько же жалок этот недоучка Биби-ков. Он нищ, бледен, питается как студент, живет в казённой камере”.

– Уважаемый Биби-ков. Вам случаем не залетали совы с письмами? – поинтересовался Неверов, злобно улыбаясь.

– Это вы о чем? – возмущился Биби-ков, не понимая сути неверовского вопроса.

– Да так, всего лишь утренняя шутка трудного понедельника. Ведь у нас с вами, Биби-ков, впереди трудный день. Надеюсь, вы отпросились у ректора?

– Отпросился. Я, знаете ли, не каждый день тружусь, иногда и занимаюсь самообразованием. – похвастался Биби-ков, а затем спросил. – Так какой вельможа у нас первый на очереди?

– Не торопитесь так, господин историк. Нам нужно будет захватить с собой одного моего знакомого, и уже вместе мы поедем на кинопоказ. Вернее, то будет презентация одного русского фильма.

– И насколько я вас понимаю, там будет присутствовать один из министров.

Неверов снова заулыбался, но теперь гораздо мягче.

– Насколько же вы, Бибииков, не осведомлены о политике, ведь вы даже фамилий не знаете нынешних столичных господ. Поэтому я избрал именно вас для реализации моей идеи. Вы, Бибииков будете относиться к ним непредвзято. Вы словно отшельник, выбравшийся из своей пещеры. Случаем, вы, Бибииков, не пророк?

– Никогда не замечал за собой пророческого дара. – выпалил Бибииков слегка конфузясь. – И что с того, что у меня нет интернета, и телевизор я не смотрю, и что я не осведомлен в их министерской деятельности, и не знаю каковы их фамилии. Все правители одинаковые, они винтики системы.

– Как же плохо вы сейчас их охарактеризовали. Для чего тогда скажите мне, все эти многочисленные учебники по истории, если все правители одинаковые?

– Конечно они одинаковые. Их правления подобны распорядку дня какого-нибудь пьянчуги. Вот он проснулся, купил выпивки, напился, уснул. Так и цари. Сначала взошли на престол, сумасбродничали, воевали, губили человеческие жизни, умерли или были свержены. Вот и вся история. Что в первом случае не интересна, что и во втором. А историки что, они графоманы. Одни историки рассматривают и пишут историю, опираясь на личности. Другие опираются на народный выбор. А другие любят завинчивать исторические явления. Мистификаторы они, мягко говоря.

– Что ж, Бибииков, будь у вас интернет, вы бы знали, что видео с алконавтами набирают много просмотров. Также видимо и история царей и императоров пользуется не меньшим спросом. Но ответьте мне, Бибииков, А какой способ изучения истории нравится лично вам больше всего? Имеется ли у вас увеличительное стекло, с помощью которого вы можете разглядеть этих букашек правителей?

– Я же вам уже говорил, что я не историк. Но я бы хотел, чтобы была описана жизнь каждого когда-либо жившего на земле человека и на основе этих всех жизней была бы составлена всемирная история. Настоящая история. Однако это невозможно. Поэтому историки и выбирают упрощение метода изучения, они стерилизуют историю, и вы Неверов, призываете меня поступить как историки, вы хотите, чтобы я обратился к самому ничтожному методу и гадкому методу изучения исторических реалий. Вы хотите, чтобы я сделал акцент на всех этих министрах, якобы они творят историю, а мы так, простые зрители их безумств, мы будто бы обречены страдать от произвола этих как вы только что выразились – букашек в погонах. Блохи, знаете ли, и собаку могут замучить до протяжного воя.

“Смотрите-ка, как Бибииков заговорил. Не думал, что в нем есть анархические задатки. Это хорошо, это пригодится”. – подумал Неверов, а Бибииков тем временем спесиво продолжал.

– Подхалимство это, человекоугодие, лезть – вот что это. Но я так поступать не буду, не буду писать таким гнусным манером. Я многое прошлой ночью обдумал, и тогда во мне рождались только исключительно протестные чувства, и больше никаких других.

– Так вы Бибииков, протестант, выражаясь не религиозным языком, а разумным. Так это отлично. – обернулся Неверов к Бибиикову. – Мы с вами напишем всю правду без прикрас, без лъстивой патоки. Смело, Бибииков ломайте ржавые скрепы и обрывайте узды правления. Только помните при этом о последствиях. Ведь ныне, да и всегда так было, лъстят не ради похвалы, а по причине уклонения от последствий начальственного неодобрения. А впрочем, Бибииков, что у вас могут отнять, когда у вас ничего нет.

– Вы правы, они у меня ничего не отнимут. Моя свобода во мне, а вне меня свободы нет.

“Наивный идеалист”. – подумал про Бибиикова Неверов. – “Они отберут твоё здоровье, и может быть и твою жизнь. И эта твоя свобода не вернет твоё здоровье, да и не воскресит тебя. Она оставит о тебе память, как о мученике, да и только. И отдавать жизнь за заметку в Яндекс новостях, которую скоро переключат другие новости и о которой через неделю забудут, за то

не стоит расплачиваться жизнью. Это не самое выгодное вложение. Но я тебя переубедить не стану. Ты мне нужен таким, каков ты есть, Бибиков”.

– Что ж, неплохо сказано Бибиков. Но хватит попусту сотрясать столичный душный воздух, ведь мы не мутинские пропагандисты, нам за то не заплатят. – ухмыляясь произнес Неверов. – Пристегнитесь, Бибиков, и положите свой пакет себе на колени, а то мне видится сомнительной его чистота. Да и скоро вам придётся потесниться, так как я вас познакомлю с одним очень интересным человеком. – и сказавши эти слова, Неверов завел свой дорогой автомобиль, который немедленно тронулся, и они покатали по столичной дороге к центру города.

Глава вторая. Культ культуры

Поговаривают, будто вся власть государства русский сосредоточена в столице империи. И что, если и протестовать против этой всем надоевшей власти, так только здесь, в столице. В других же областях всем управляют свои местные чиновники, которые на политическую обстановку в стране никоим образом не влияют. Отремонтируют кое-где дорогу, да новый ледовый дворец выстроят, дабы дети, не получившие место в детском саду, сразу же минуя всё детсадовское обучение, направлены были в хоккейную команду. Ведь если вдруг приедет в город президент, то супротив его уникальной спортивной подготовки нужно будет выставить не менее мастеровитых спортсменов, пускай и детсадовского возраста. А то взрослые дяди, то галантно клюшки убирают в сторону, то широко ноги раздвигают, чтобы ворота в подходящий момент оставались незащищёнными. Ведь, как известно под ударами президентской клюшки раздвигаются любые препятствия, и его шайбы летят в светлое будущее, не портя тем самым цифры статистики. Впрочем, с детьми ему играть будет даже лучше, только так президент сможет забить в ворота соперников не десять шайб как обычно, но гораздо больше. Оно и почетней, да и цифры будут внушительней. Вот только дети могут оказаться неподкупны, что осложнит череду героических президентских побед. Но это скучные провинциальные истории. Пожалуй, стоит вернуться в столицу, где правит настоящая тоталитарная власть и где недавно развернулся настоящий массовый супротив этой мавританской власти протест, который, и тот, задушили. Вот не допустили на выборы оппозиционных депутатов. И что же произошло? А вот что. Люди тот произвол не стерпели, и потому вышли на улицы протестовать против несправедливости. Но забыли люди, что где власть, там справедливость не ищи. И как же отреагировала эта власть, что она предприняла? Известно, как она поступила, так, сколь она хорошо умеет, а именно – насилем ответила на мирное скопление людей, кои скандировали – “допускай”. И власть допустила к ним армию полицейских и русгвардейцев, которые и стали теснить людей, они разгоняли протестующих, а некоторых из протестующих избивали. После некоторым из задержанных, а автозаки были заполнены, тем несчастным грозили тюремные сроки, некоторые из них так и попали в тюрьмы. Полицейские творили насилие, не терпя и намека на насилие в свою сторону. Видимо они пацифисты-эгоисты, другим они готовы причинить боль, а в отношении себя насилие не допускают, ведь они столь хрупки. Вот пятеро из них скручивали актера, и один из них в порыве трудовой отваги поскользнулся, да руку вывихнул. В другого полицейского пластмассовый стаканчик бросили. Да как так можно, ведь это самое настоящее орудие убийства! Другой законник вообще и взгляда гневного в свою сторону не стерпел, да и ударил молодую женщину кулаком в живот. Словно он шлёпнул еще даже не зачатого ребенка, дескать, пусть знает, что в этой стране его ждет, если будет мальчик, то пусть готовится к побоям в армии, а если девочка, то пусть будет готова к мужнину насилию. Даже не рождённых здесь закаляют рукоприкладством. Но при этом, сколько же в храбрых русгвардейцах обидчивости и самомнения. Они настолько хотят порядка и мира в стране, отчего готовы избивать калечить, вести в тюрьмы каждого, кто этот порядок хотя бы мыслью нарушает. Вот только каков этот полицейский порядок? Это государственный порядок, это государственный строй, платящий им деньгами и пенсиями за охрану. Или полицейские – это космонавты, открывшие новую планету, на которой, как некстати, обосновались какие-то дикари. Одним словом – инопланетяне, которые простые слова не понимают, всё лепечут свои странные словечки – свобода, выбор, демократия. И потому бедным космонавтам остается только оголять дубинки, да учить ими варваров правильному русийскому языку послушания и терпения. Что ж обучение любви к родине только так и преподается, как и патриотизм, религия и милитаризм. Всё противоестественное прививается насилем.

Проблемы всемирной космонавтики и освоения космоса ушли на второй план, да и что о них думать, когда здесь люди заняты отечественной космонавтикой, им нет никакого дела до вселенной. Неужели Русия это планета, для которой люди это инопланетяне? Впрочем, к чему все эти философские разглагольствования. Да и кому они нужны. Когда власти земной надо лишь одно, чтобы ей не мешали править и господствовать. К чему тогда протесты, претензии и кляузы, этот народный ропот лишен всякого смысла. Это то же самое как спрашивать у депутата – вы же понимаете, что ваша зарплата несоизмерима с вашей деятельностью, вы получаете каждый месяц до четырех сот тысяч, тогда как прожиточный минимум в стране девять тысяч, вы хоть понимаете разницу? Пустой, однако, вопрос. На это ответит депутат – так не я себе плачу, мне государство платит, я тут не причем, моей вины здесь нет, я может быть и хотел бы столько не получать, но приходится. Ну а если у вас денег нет, то вы держитесь. Сколь власть русийская скромна, аж прослезиться, бывало, хотелось, и снизойти до умиления. Вот поглядите как она скрывает свои зарубежные вилы и поместья, сколь тихо виртуозно она ворует, что никто будто бы того не видит. А если кто их и обличает, то те изображают кроткий вид и отвечают со слезами на глазах – не мы так хотим, но нам приходится, ведь власть должна выглядеть дорого-богато, иначе вы не будете нас уважать, вы всё думаете что мы для себя богатеем, нет, мы для вас богаты, мы хотим чтобы вы нами гордились и приговаривали – вот, дескать, сколь наши правители, законодатели, судьи и прокуроры, генералы и митрополиты, министры и президенты богаты, а вы всё неблагодарно ропщите на нищету свою, да что вы за люди такие, научитесь же, наконец, радоваться чужому счастью. Складно звучит, но чужим счастьем сыт не будешь. И потому народ русийский брови хмурит да гадости пишет в интернете, да митинги устраивает, одиночные пикеты разные. Ведь власть требует другого подхода. Повиновения. Потому несанкционированные мероприятия разгоняются или наказываются пятнадцатую сутками заключения под стражей. А чтобы так не происходило, и если хотите вы собраться и выразить свой протест, то извольте на это получить разрешение. Люди же тому дивятся – это что значит, получается, вы за нас решаете, кого нам выбирать, а кого нет, вы, значит, решаете, когда нам можно протестовать, а когда нет, так скоро государство будет за нас решать, кому родиться, а кому не родиться, кому жить, а кому умереть, кому учиться, а кому неучем быть, кому жениться, а кому быть холостым, кому в армию, а кому в психбольницу, кому в тюрьму, а кому на свободе быть, кому верить в бога, а кому можно и не верить, кому править, а кому быть подчиненным, кому дышать, питаться и размножаться, а кого всего лишит. А впрочем, так всё и есть и с тем все согласны. Но кто такой – свободный человек? Свобода – это что такое? Спрашивает молодежь двадцать первого века. В ответ молодые люди слышат голос рупора – расходитесь, не мешайте движению. История движется то ли по кругу, то ли по прямой траектории. А наивные юноши и девушки пытаются что-то изменить, застой силятся взбудоражить. Милые романтики, они не понимают, что государство консервативно, и потому для него люди это содержимое консервов. Но и консервные банки пухнут, разрываются на части. И в молодежи взрастает неисправимый протест, потому ветхая правительственная фальшь, что и может вызвать так только умственное несварение. Всё миновало, что о том вспоминать, народ русийский покуда тепло, он смел и дерзок, но вот зима настала, и на плакатах вместо политических лозунгов заулыбался краснощекий дед мороз. Вот вместо флагов ели высятся на городских площадях. Зима охладела юношеский праведный пыл, только в интернете не утихают распри, обличение и смехотворство. Цензура не дремлет, выписывает штрафы тем, кто власть каким-либо словом нехорошим оскорбил, или чью-то веру оскорбил. И, конечно же, не смей насаждать зарубежные идеи, вмиг запишут цензоры в инагенты, что наказывается высылкой или тюрьмой. Ведь и правда это хорошо, не оскорбляйте никого, живите мирно вы со всеми, а если плохо вам, то радуйтесь тому, что есть. Радуйтесь – государство своими законами народу возвещает. А народ в ответ рот кривит в усмешке и пишет – да если бы вы правители жили б, по совести, то и не услышали б в свой адрес оскорбления, а раз уста глаголют и негодуют, значит,

есть за что, определенно есть за что. Еще говорят, что история ничему не учит, или же может быть истории нечему учиться. Истории бы хорошенько подумать над своим поведением, а она проказница всё куда-то торопится, не замечает соринки под своими быстроходными ступнями или под колесами дорогого автомобиля. История она как тот начальник полиции, собьет пешехода, оттащит труп на обочину и поедет дальше по своим должностным делам. Либо история – это богатая дама, которая сбила на своем автомобиле маленького мальчика, затем дала взятку врачу, и тот в заключении о смерти написал – в крови мальчика найден алкоголь, значит, он сам виновен в своей смерти. История словно готова любое свое злодеяние оправдать, любую войну готова назвать великой, и неважно поражение то или победа, для истории смерть тысяч людей ерунда, а смерть одного человека вообще пустышка. Ей главное сделать величественный вид. Сами виноваты – скажет она мертвецам, и дальше по дороге жизни поедет, не замечая одиноких путников на закате дня идущих в небытие, в забвенье, ведь история о них скоро забудет.

Но в отличие от упрямого движения исторического процесса, автомобиль журналиста Неверова угодил прямиком в столичную пробку, в это легендарное стояние. А ведь находятся те, кои смеют утверждать, будто бы в стране нищета, однако взглянув на количество личного автотранспорта, о нищете и язык не посмеет утверждать такой бред. Может быть, конечно, такое автотранспортное обилие происходит исключительно в больших городах. Но тут действуют общественные стереотипные ценности, якобы если человек желает казаться успешным и материально состоятельным, то он обязательно должен обучиться вождению и купить автомобиль. Вот каждый, сделав такой выбор, и выкатился сегодня на городские дороги тысячами, дабы добраться до места работы. Впрочем, и общественный транспорт переполнен людьми. Да, столица – это то место, где чувствуешь себя маленьким человеком, в сравнении с толпой. Здесь речи о демографическом спаде звучат как несуразная глупость. Или вот построят дом на четыре сотни человек, а возле дома обустроят всего сотню парковочных мест. Отчего можно сделать простой вывод, что инфраструктура городов не рассчитана на такое огромное количество личного транспорта. Видимо, человек столь завистливо устроен – есть у других, так пусть будет и у меня. Однако сидящий на заднем сиденье автомобиля дворник Бибиков живет не так как все, у него нет ни собственного жилья, у него нет машины, да и смартфон у него отсутствует. В общем, технический прогресс его мало интересует, ему интересна история жизни. И Неверов, зная это, несколько утомившись ждать, когда змея из авто двинется с места, начал рассказывать тому одну историю.

– Неподражаемый Бибиков, ответьте мне. Вы верите в ад?

– Нет, я не верю ни в какой ад. Вообще я агностик, я мало во что верю. К тому же я законченный идеалист. Поэтому мне легче поверить в рай, нежели в ад. – ответил Бибиков.

– Вот вы Бибиков говорите, что не верите в ад, а он недавно разверзся. В одном российском городке обвалился асфальт на дороге возле супермаркета. Образовалась огромная канава, в которой, по-видимому, произошел разрыв труб, отчего эта яма наполнилась кипятком. Начал валить пар и один водитель, видимо желая, объехать этот провал, из-за клубов пара не заметил угрозу для своей жизни, он въехал прямиком в жерло этого котла с кипятком. Автомобиль погрузился в яму полностью, и двое, водитель и пассажир, обварились. Затем их вытаскивали из ямы с помощью крана. Вот вы Бибиков, не верите в ад с кипящими котлами и бесами, когда они прямо вот здесь, рядом с нами. Ад реален. Мы все в нем живем. В то время как рай, в который вы могли бы верить, скорей всего лишь утопия.

– Какие ужасы вы мне рассказываете. То про убийцу, теперь вот про это. – возмутился Бибиков. – В том виноваты коммунальщики, или это простая случайность. Случайное стечение обстоятельств не может быть адом, так как ад это хорошо срежиссированное действие. Тех туда, этих сюда. У одних скрежет зубовой у других плач и огненные озера.

– Боюсь, вы ошибаетесь Бибиков. Кто в той трагедии виноват, никто не знает. Пишут, что водитель сам во всем виноват. Таков жизненный вердикт всему – сами виновны. – сказал

Неверов, закуривая, отчего Бибиков несколько раз прокашлялся. – То, что люди мало зарабатывают – они сами виноваты. То, что дороги плохие, и то, почему мы стоим в пробке – ответ всегда тот же. Как и в ухудшении экологии и в испорченности нашей культуры. Да, вспльщивая девочка знала, кого винить за украденное детство. У нас у всех много что украли, чего уже не воротишь. К примеру, хороший вкус. А как вы, Бибиков, относитесь к современной культуре?

– Имею смутное представление о современной культуре. Я, знаете ли, больше классические искусства уважаю. И я в отличие от вас нисколько не ощущаю себя обокраденным кем-то, у меня есть я сам и этого мне более чем достаточно.

– Вы, недалновидный Бибиков, нелогично мыслите. Так как сегодняшний день скоро станет завтрашним днем, а всё вчерашнее рано или поздно становится классическим. Таким образом, о восьмидесятых годах двадцатого столетия или о девяностых годах, вспоминают с ностальгией, в те года были свои собственные особые способы самовыражения. Вас же взгляд крайне утопичен.

– У вас складывается такое впечатление, оттого что я делаю акцент на всем хорошем и добром. И я не выживаю из новостей, подобно вам, всяческие гадости. Всё об убийцах мне рассказываете, отчего боюсь даже вообразить, о ком будет вами поведено в дальнейшем.

– Ничего такого, только скажу вам, Бибиков, что вы просто-напросто боитесь жизни, с её страданиями и смертностью, потому-то и сторонитесь всего на ваш взгляд злого. Хорошие новости, конечно же, радуют, но тут же забываются, тогда, как трагедии укрепляются в человеке и служат тому напоминаем о его смертности, о его скоротечности земного бытия, выражаясь религиозным языком. Люди вообще ничтожны, малейший микроб может убить человека, что уж тут говорить о других опасностях. Да, Бибиков, человек смертен. Только вот рукописи не горят. Так что готовьте свои чистые листы бумаги, скоро вам придется замарать их чиновничьей нечистоплотностью. И кстати о них. А не боитесь ли вы находиться в обществе именитых людей?

Бибиков на минуту задумался, представил себе президента и других министров, коих видел когда-то по телевизору. Затем поделился с Неверовым своим умонастроением.

– Нисколько не страшусь встречи с ними. Стариков вообще не стоит бояться, они уже свое отжили и скоро уйдут на покой, поэтому их даже несколько жалко. К тому же по университетским делам мне знакомо общество профессоров и деканов. Кругом сплошная иерархия, которая мне противна. Она везде. Начиная с учебных заведений, церкви, полиции, армии, и кончая высшими структурами власти. Везде одно и то же безобразие. Начальники и подчиненные, слуги народа и рабы Божьи. Всё это было до них, но надеюсь в будущем всего этого раболепия, подчинения и послушания не будет существовать.

Автомобиль Неверова немного сдвинулся с места, однако тут же встал в прежнее медлительное положение.

– Только вы, Бибиков, при них такие кощунственные речи не произносите. Этот ваш анархизм противен государственным мужам, также как протестантизм для ортодоксального духовенства. Вы уважаемый, Бибиков, сами охотно подчиняетесь университетскому начальству, потому и нет у вас никакой свободы.

– Пока несвободен. – пробубнил Бибиков.

– Не забывайте, что скоро у вас состоится встреча с министром. Если, конечно, мы не опоздаем. – сказал Неверов озлобившись из-за всё никак не рассасывающейся пробки.

Услышав недовольство в словах журналиста, Бибиков произнес.

– Я, к вашему сведению, всегда импровизирую. Да и что вы всё обращаетесь ко мне – уважаемый, уважаемый. Ведь вы по-настоящему меня нисколько не уважаете. Вы только смеетесь надо мной и везете меня скорей всего не к министру, а к какому-нибудь склочному рыжему депутату с ярко выраженным гомофобным синдромом. – высказав свою претензию, Бибиков

несколько замялся, думая, что может быть слишком рьяно допытывается правды, однако через секунду уверенно вымолвил. – Признайтесь мне наконец, для чего я вам понадобился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.